

КОРОТКИЕ РЕЦЕНЗИИ

Александр ЯШИН.

«Бессонница».
Стихи.

Изд-во
«Советская Россия»,
1968 г.

Незадолго до своей смерти Александр Яшин, отвечая на анкету «Дня поэзии» 1968 г., сказал: «Дело художника трудом своим, постоянной творческой напряженностью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле». В этих словах крупно и честно проявилось неподкупное поэтическое кредо одного из самых совестью, откровенных наших поэтов...

И вот передо мной последняя книга стихов Александра Яшина. Посмертная книга, последнее слово умирающего поэта...

Читая его стихи, я вспоминаю его последние слова о жизни и поэзии, которые он говорил своим друзьям.

— Я теперь понимаю,— говорил А. Яшин,— что многое — ерунда. Есть жизнь и смерть, правда и ложь.

И действительно, этот четырехугольник резко очертил границы его поэзии. Он уже знал, когда писал свой цикл «Совесть», что это стихи, наверно, последние,— значит, нужно было успеть высказать то, что откладывалось на потом, нужно было решиться на прямой разговор со своей совестью. Вот почему сквозь нежное вещество яшинского стиха проступила жесткая непримиримость поэтической правды:

Не смирюсь я с этой
пустотой,

С вашей глухотой,
Непрямой.
Хочется сердечной

теплоты,
Красоты душевной,
Чистоты.
Не расстанусь со своей
мечтой.

Эта непримиримость и дает ему право сказать: «И спать не могу, и есть не могу: в долгу перед всеми, а что я могу?».

И то, что это сказано не случайно, что это высокая гражданская позиция, убеждают нас другие стихи,— так или иначе тема ответственности за все проявляется почти в каждом стихотворении последних лет. Если в стихах «По своей орбите» эта тема требует от поэта рыцарского подвижничества: «Сам за все отвечать хочу», то в стихотворении «Спешите делать добрые дела» она становится памятью, которая обострена до того, что судит душу человеческую своим непреходящим судом. Здесь память становится совестью.

И вся яшинская бессонница — это не что иное, как совесть, никогда не дремлющая, совесть, которая всегда держит в напряжении душу человеческую. В какой-то мере она двуликий Янус — один лик обращен улыбкой, добротой и миром, другой — страшный лик, прокурорский лик бессонницы смотрит в душу поэта и велит:

Не таи,
Держи ответ при народе
За все прегрешенья
свои!

(«Исповедь»).

Поэтическая совесть у Александра Яшина — это прежде всего правдоискательство: совесть как бы разнимает жизненное явление на правду и ложь, эта совесть заставляет поэта постоянно помнить о своей земле, по которой нужно ходить босиком, о родном Севере, помнить всей сущностью сердца, всем песенным веществом его поэзии, потому что для настоящего поэта родина — это жизнь.

Так, неожиданно, пройдя через страждущее сердце, через бессонницу мыслящей души, снова вошла в книгу А. Яшина родина, — только там, на Бобринском угоре, где стоит ягодный холод осени, поэт осознает по-мужицки степенно и не стесняясь перед собой и перед всем светом своей любви: «Жизнь моя, как сказанье, начинается снова».

Жизнь начинается с родины, без нее — поэтическое безмолвие сердца, без нее человек убывает, и чувство отсутствия родины свойственно болезни. Вот почему вернуться к своей земле, к своим лесам, к своему неторопливому на любовь и слово народу сходственно с выздоровлением:

Я воду люблю,
Я землю люблю,

Как после выздоровленья.

скажет А. Яшин в стихотворении «Босиком по земле». И кто знает, чего больше в этих стихах — радости жизни или обновленности мироощущения. Эти слова обронены не случайно, эти строки родили стихотворение, а стихотворение родило книгу — сказание о душе, которая снова прикоснулась

к собственным истокам. Есть в этих стихах чуть-чуть горечи прощания. Так и кажется, что вдохновение поэта вернулось к земле, которую обжила его поэзия, чтобы попрощаться с ней, сказать ей последнее «прости», потому что беда на миру легче, на миру и жизнь человека видней...

Но эта горечь — от предчувствия последнего прощания. Она не заслоняет влюбленности поэта в свою землю, где есть люди, о которых можно горделиво сказать:

Неверных слов на этот раз
История сказать не даст:
Нет для нее простых,
невидных,
Нет маленьких людей
среди нас.

Так вместе с любовью к родине, к своей северной земле вошла в поэзию Александра Яшина затаенно-горькая мысль о жизни и смерти...

Я помню, как мы вместе с ним выступали перед солдатами. Это было не так давно. Я впервые слушал, как читает свои стихи Александр Яшин. Он неторопливо взошел на трибуну, надел очки, раскрыл тетрадку со стихами и начал читать:

Спасибо тебе, Блудново,
Деревня в лесной глуши.
Я начал писать здесь
снова,
А это — хлеб для души.

Читал он не торопясь, просто, не выпячивая слов, словно продолжал какой-то еще не оконченный разговор. И держал себя просто, потому что стихи — это хлеб души, и он должен был поделиться сейчас, вот здесь, на трибуне, по русскому обычаю, этим хлебом со своими слушателями... Тогда-то мне стала понятнее и родственнее мастерская его души. Ведь настоящая поэзия — всегда продолжение жизни! Я не зря вспомнил о том, как читал свои стихи Александр Яшин. Часто манера чтения совпадает с манерой писать. Яшин не был на трибуне артистом, как не был

артистом и в поэзии, а был человеком трудного — порой печального, порой радостного — ремесла, для которого родина — это вся его судьба:

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба, —
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

И эта неразделимость жизни, родины и правды определила смысл последней книги поэта, да и всей его поэзии, ясной, по-северному неторопливо-распевной. Поэт сказал своей книгой: есть родина, правда и жизнь. А остальное без этого — смерть и ложь.

Пред всеми в долгу я.

Эти строки неожиданно смыкаются с таким откровением: «Люблю все живое, живых люблю». Нет, поэт не остался в долгу ни перед своей землей, ни перед своими современниками, он сумел поделиться с ними самым дорогим и самым трудным хлебом — поэзией.

Владимир ЦЫБИН.